

БАТЫР

Традиционная военная культура народов Евразии № 1

Военная организация Улуса Джучи

Введение в раннюю историю монгольского костюма (X–XIV вв., по изобразительным источникам)

Шлем из разрушенного кочевнического погребения у поселка Семеновод

Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья

«Бектерь сыдавной»

Золотоордынские латники Восточного Приазовья

Воины Грюнвальдской победы (к 600-летию Грюнвальдской битвы)

научная реконструкция

М.В. Горелик

Москва

Золотоордынские латники Восточного Приазовья

(по материалам В.Н. Чхаидзе и И.А. Дружининой)

Материалы кочевнических погребений, давно и в разные годы раскопанные в Восточном Приазовье, максимально полно и тщательно описаны и проанализированы В.Н. Чхаидзе и И.А. Дружининой, которые и представили эти материалы для публикации в настоящем номере журнала (см.). Несмотря на трудности, испытанные авторами – недостаточно полная на сегодня сохранность некоторых находок, сравнительно слабая техническая оснащённость раскопщиков, впрочем, извиняемая давностью времени проведения раскопок, – публикаторы подготовили полноценный материал для реконструкции внешнего вида (но, естественно, не лица по черепу) погребённых. К сожалению, перед нами памятники, не содержащие тканей и кожи от одежды и обуви. Последнее встречается весьма нечасто, хотя нельзя сказать, что уж и очень редко: нам известны десятки комплексов с остатками органики – текстиля и кожи, по которым вполне достоверно можно восстановить не только общий силуэт, но и детали кроя составляющих комплекс костюма элементов, а это, в свою очередь, позволяет более уверенно говорить об этнической принадлежности погребённого, его социальном статусе, иногда даже о фактах его биографии (хотя последнее более доступно антропологам).

Предметы и погребальный обряд послужат источником для попытки определения этнической принадлежности погребённого и времени его жизни и смерти. И уже после ответа на эти вопросы можно предполагать – весьма приблизительно, – во что же он мог быть одет.

Погребения, по материалам которых мы попытались реконструировать внешний облик их «обитателей», принадлежали тяжеловооружённым конным воинам.

Погребение Пилипенковский I – 1/2 (рис. 1) содержало захоронение мужчины с саблей, кольчугой, саадаком и ножом; так-

Рис. 1. Половецкий воин-золотоордынец сер. – 2-й пол. XIII в. из погр. 1 кург. 2 мог. Пилипенковский I. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 2008 г.

Рис. 2. Половецкий воин-золотоордынец сер. – 2-й пол. XIII в. из погр. 1 кург. 6 мог. Греки III. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 2008 г.

же в погребение было уложено чучело лошади, от снаряжения которой дошли удила и стремя.

Положение сабли в погребении у правого бока покойного может свидетельствовать, казалось бы, о том, что он был левша; это же может подтверждаться и положением ножа с его левого бока, обычно висящего под рабочей рукой. Но единственный зафиксированный наконечник стрелы был найден лежащим у правого бока, то есть колчан висел так, как у правшей. На реконструкции воин показан праворуким, хотя можно было нарисовать и наоборот. От обоих портупейных поясов – клинкового и стрелкового – не осталось ничего,

что говорит о том, что они представляли собой простые ременные или тканые ленты, завязывавшиеся узлом (либо в могилу положили ремень без пряжки). Все подвесные элементы к ним, видимо, просто привязывались. Отсутствие ременной гарнитуры указывает на половецкую этническую принадлежность погребенного кочевника. Кольчуга, защищавшая его, была короткой и, как всякая кольчужная броня, требовала обязательного наличия подкольчужника – жилета или куртки из стеганого войлока, ткани или кожи. В противном случае под ударом кольчуга контузила тело, или даже могла, прорвав кожу, войти в него. Однако в погребениях подкольчужник, вернее – подоспешник, укладывали отнюдь не всегда, надевая панцирь прямо на парадную одежду. В жизни этого не могло быть, поэтому в реконструкции подоспешник должен присутствовать всегда.

От саадака воина дошло 4 наконечника, характерных как для половцев XII–XIV вв., так и для черкесов XIII–XV вв. Наконечники характерных для монголов форм и, особенно, очень крупных размеров в погребении отсутствуют. Зато сабля вполне может датироваться первыми этапами монгольского периода: серединой – второй половиной XIII в. Об этом говорят ее большая длина – 117 см, а также приопущенные концы перекрестья и довольно длинная – 11 см – бутероль в виде уплощенного стаканчика. Но размеры ножика почти вдвое меньше монгольских боевых ножей, распространенных в степях Евразии с середины XIII в. Сохранившееся стремя датируется XIII–XIV вв., составные удила с кольцами средних размеров имеют очень протяженный период бытования.

Итак, перед нами – состоятельный доспешный половецкий воин периода монгольского завоевания и формирования Улуса Джучи. Поэтому его наряд реконструируется по стандартам, отраженным на половецких каменных изваяниях мужей-воинов: недлинный, до колен, распашной кафтан с осевым разрезом на груди, длинными узкими рукавами, обшлага и швы которого украшены лентой или тесьмой. Под кафтаном – нераспашная рубаша, широкие штаны с недлинными штанинами, вправленными в высокие, выше колен, чулки из тонкого войлока. На ногах – сапоги с голенищами до колен, с характерным для половецкой обуви швом по оси голенища и головки. К треугольному выступу на передней части голенища прикреплены ремни, которые соединяют голенища с очкуром штанов. К ремням у колена прикреплены горизонтальные ремешки, завязывавшиеся

М. Горелик
2008

Рис. 3. Половецкий воин-золотоордынец 2-й пол. XIII в. из погр. 4 кург. 3 могильника Старонижестеблевский I. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 2008 г.

вокруг ноги и удерживающие от сползания высокие чулки. Что касается остроконечного колпака с завернутыми вверх полями, то мы показали здесь вариант, который показан на большом количестве изображений тюркских кочевников, исполненных от Ирака до Италии в XIII–XIV вв.

Следующий воин реконструирован по материалам погребения Греки III – 1/6 (рис. 2). В этом погребении также был похоронен состоятельный доспешный воин, судя по составу паноплии: саадак, палаш (или очень слабо изогнутая сабля) огромной длины (ок. 140 см) и коротенькая кольчуга из плоских колец, с высоким стоячим воротником. Палаш своей формой и размером позволяет говорить о его центральноазиатском, монгольском происхождении. Об этом же свидетельствуют и большой диаметр колец удил. Но срединная роговая

М. Горелик
2009

Рис. 4. Половецкий бек-золотоордынец 1-й трети XIV в. из погр. 1 кург. 2 мог. у с. Лосево. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 2009 г.

накладка на лук с плавными переходами от чуть более узкой середины к чуть более широким концам говорит о его половецком происхождении. То же можно сказать о более чем скромных, чисто половецких кожаных полосках-накладках на колчан. Отсутствие в саадаке крупных монгольских наконечников стрел подтверждает половецкое происхождение саадака.

Таким образом, в данном случае мы можем говорить о половецком воине, вооруженном стрелковым комплектом половецкого типа и монгольским клинком. Соответственно, датировать весь комплекс мы можем временем не ранее середины XIII в., периода, когда половцы начали абсорбироваться в среду кочевых подданных Улуса Джучи. Существенным признаком культуры этой среды являются и монгольские удила, и непарные стремена.

Реконструкция костюма на войне основана на изображениях на мужских каменных половецких изваяниях. Показан стеганный подкольчужник – необходимая деталь боевого снаряжения, которая обычно не клалась в могилу: кольчугу надевали прямо на парадный кафтан покойного. Шапка показана в виде остроконечного фетрового колпака с меховым околышем, который спереди поднимается вверх, образуя подтреугольный выступ. Шапки с таким околышем характерны для огузов X–XIII вв. Но в XIII в. они заимствуются и половцами. Пережив Улус Джучи, шапки с таким околышем бытуют в XVII–XIX вв. у крымцев, ногайцев и даже украинских казаков (в последнем случае в составе женского костюма).

Более богатый комплект защитного вооружения оказался в погребении Старонижнестеблиевский I – 4/3. Здесь был

Рис. 5. Монгольский воин 2-й пол. XIII – 1 пол. XIV в. из погр. 8 кург. 1 мог. Лебедь VI. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 2008 г.

похоронен тяжеловооруженный воин-латник в шлеме и кольчуге (рис. 3). Железный шлем – сферической формы – с невысоким крупным коническим навершием из бронзового листа, с парой надбровных дуговидных вырезов над лицом. Шлем не имел бармицы из металла: вероятно, последняя была выполнена из кожи или войлока. Шлемы, подобные старонижнестеблиевскому, уже находили в погребениях Прикубанья середины XIII–XIV вв. (Горелик М.В., 2008, с. 139, 143, рис. 1, 7).

Но, пожалуй, самой важной во всей серии публикуемых воинских захоронений является находка на груди кольчуги, надетой на погребенном, двух бронзовых, посеребрённых, чуть выпуклых дисков. Это всего третья находка *in situ* такого яркого предмета, как репрезентирующий мужественность и высокий статус половецкого мужчины «боевой бюстгальгер», предмет, изображенный практически на всех мужских половецких каменных изваяниях. Но этот знатный латник, ярко выраженный – именно «боевым бюстгальгером» – этнический половец, имел в качестве клинкового оружия вполне монгольскую саблю; о ее «монгольскости» свидетельствует и большая длина, и перекрестье с приопущенными усами с шариками на концах, и короткое навершие, опускающееся на щеки треугольными мысами, заклепка которого на внешней стороне кончается петлей для привязывания темляка.

Наличие ярко выраженного половецкого признака позволяет нам реконструировать этого латника именно как знатного половецкого воина второй половины XIII в., с колчаном половецкой разновидности, в половецкой одежде и обуви, вооруженного монгольской саблей и защищенного монгольского типа шлемом.

Однако один из самых полных комплектов вооружения, характерного для половецкого воина, был обнаружен в захоронении знатного половеца в погр. 1 кург. 2 у пос. Лосево Кавказского р-на Краснодарского края (Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. (2010)). Воин (рис. 4) был снабжен саблей с плоскоромбическим перекрестием, широко использовавшейся половцами в XII–XIII вв., но также и монголами, и черкесами – вообще золотоордынцами, включая и тех же половецких, и пришедших из-за Яика кипчаков. Ножны сабли имели железную бутероль в виде довольно длинного плоского стакана: такая бутероль характерна в основном для сабель золотоордынской эпохи. Выделяется колчан-пенал. Он, скорее всего, имел крышку на внешней плоскости обрамлен-

ного полосами костяных накладок приемника, о которой может свидетельствовать круглая пуговица-застежка и подвешенная к центру крышки тонкая бронзовая цепочка с ворворкой, в которую вставлялась кисть. Наличие крышки на приемнике говорит о монгольском влиянии. Костяные петли колчана имеют широкие датировку и этническую принадлежность. Зато серебряный диск, украшающий внешнюю плоскость колчана, имеет прямую аналогию с украшением колчана, раскопанным в кургане, датированном XIV в., у поселка Праздничный на Кубани, состоящем из трех серебряных дисков (Горелик М.В., 2008 а, с. 167, рис. 10). Но особенно интересно защитное вооружение воина. Это прежде всего замечательный шлем с высокой тульей сфероконической формы, определенно с обломанным и утраченным навершием в виде хорошо известного для таких шлемов высокого тонкого шпиля с круглой петелькой наверху, в которую вставлено подвижное колечко, к которому привязывалась лента. Шлем имеет полумаску со скульптурно выкованным в виде носа наносником и выпуклые «брови», подчеркнутые оковкой из бронзовых пластинок. Лицо, кроме глаз, шея и верх плеч защищены глухой кольчужной бармицей. Ворот довольно короткой кольчуги с рукавами почти до локтя завязан шнурком с бронзовыми шариками на концах. Поверх кольчуги надет «боевой бюстгальтер» – символ знатности и мужественности половецких воинов. От других подобных, частых в изображениях на каменных изваяниях, но очень редких в археологии регалей, данный «бюстгальтер» резко отличается уникальной формой пластин – не круглой, как обычно, а квадратной. Их бронзовая основа покрыта серебром. Кольчуга надевалась поверх стеганого поддоспешника. Кафтан показан шерстяным, собственного производства, украшенным византийскими галунами. Короткие половецкие сапоги, надетые поверх высоких суконных чулок, держатся на гашнике недлинных штанов системой ременных подтяжек. В погребении была обнаружена серебряная витая гривна, которую частично разогнули перед тем, как положить в могилу. Поэтому для живого ее обладателя можно изобразить гривну в ее изначальном виде, надетой на шею поверх бармицы, чтобы и свои, и враги сразу видели знатного батыра. Гривна в сочетании с найденным в погребении котелком может характеризовать воина из Лосева как половецкого родового старейшину-бека, и датировать время его жизни первой третью XIV в.

Воин, останки которого были раскопаны в погребении Лебеди VI–8/1 (рис. 5), также являлся тяжеловооруженным латником. Вместе с тем от ранее рассмотренных комплексов его отличает ряд признаков, позволяющих связать его с монгольской культурой, а не исключено, и этносом. Об этом говорит не только шлем, увенчанный кольцами для привязывания монгольского украшения – ленты, чьи концы спускаются с навершия. Сам же шлем имеет точные аналогии в материалах золотоордынского Подонья-Прикубанья – уже рассмотренный

Рис. 6. Монгольский воин сер. XIV в. из погр. 1 кург. 1
мог. Коллекторский. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 2010 г.

Рис. 7. Монгольский воин сер. XIII – нач. XIV в. из погр. 14 кург. 2 мог. Коллекторский. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 2010 г.

из погребения Старонижнестеблиевский I-4/3 (см.: Чхаидзе В.Н., 2006, с. 270–272, рис. 1–2), из погребения Пролетарский – 4/1 (Горелик М.В., 2008, с. 139, рис. 1), из погребения Маяк II-3/1 (Парусимов И.Н., 2007, с. 314, рис. 4, 4). Также шлем с иной формой навершия – в виде тонкого высоко-го шпиля, но увенчанного такими же колечками с лентой (Горелик М.В., 2008, с. 143, рис. 7), он не имеет кольчужной бармицы,

так что можно предположить, что она была либо в виде назатыльника из слоев толстого войлока или мягкой кожи, либо представляла собой броню из толстой твердой кожи – ламеллярную или ламинарную.

Отметим, что в трех погребениях с такими шлемами были похоронены половцы. Зато найденный в погребении напильник с деревянной ручкой свидетельствует о том, что его хозяином мог быть монгол. О том же говорит и форма костяной пластины для подвески колчана, отображенная только на плане погребения. Ее форма указывает на то, что верхняя часть – приемник колчана имела веерообразную форму, которая характерна именно для монгольских колчанов.

Таким образом, мы можем представить себе воина из погребения Лебеди VI-8/1 как латника-монгола в кольчуге и шлеме с ламинарной кожаной бармицей. На клинковом поясе, застегнутом на рамчатую с иглой пряжку, висит длинная монгольская сабля, сумка-кошель с принадлежностями для разжигания огня, нож и монгольский напильник с деревянной ручкой – в кожаных ножнах. Кстати, пояс украшен бронзовыми скобками, что тоже может отражать монгольскую традицию, так как половцы пояса металлом не украшали. На саадачном поясе, застегнутом на крючок, висят лук в налуче и колчан со стрелами, подвешенный сверху за костяную пластину, снизу – за железную скобочку. Судя по расположению вещей в могиле, воин был левшой, так что все предметы на португезах размещены зеркально их обычному положению. Под доспехом воин одет в довольно длинный, до середины голеней, монгольский халат с косым, слева направо, запахом (в отличие от коротких, до колен, половецких кафтанов). Сапоги монгольские также отличаются от половецких: у тех более узкие голенища и шов спереди по оси, а у монгольских сапог голенища раструбом, швы боковые, а союзка цельная.

Еще два захоронения монгольских, как полагают, основываясь на погребальном обряде И.А. Дружинина и В.Н. Чхаидзе (см. их статью в настоящем выпуске), тяжеловооруженных воинов были раскопаны в могильнике Коллекторский. Они очень близки по составу и характеру инвентаря. Попробуем восстановить облик воина из погребения Коллекторский 1/1 (рис. 6). На голове латника был головной убор, от которого сохранилось навершие в виде узкого железного конуса с отверстием наверху для плюмажа. Головные уборы с подобными навершиями, как правило, дополненные прямоугольными узкими железными пластинками с отверстиями в углах (очень напоминающими

панцирные), нашитыми по околышу убора, уже представлены целой серией находок (Шелобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1980, с. 90–92, рис. 2.6; 4, 9; Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1981, с. 93–95, рис. 1, 16; Шалобудов В.Н., Мухопад С.Е., Андросов В.А., 1983, с. 20, рис. рис. 3, 12; Горелик М.В., Яворская Л.В. (в печати)). По монетам, обнаруженным в погр. 3 кург. 2 у с. Миновка, они датируются серединой XIV в. А, поскольку в погр. 1 кург. 6 того же могильника сохранились органические остатки головного убора, представлявшие смушку (реконструкцию данного комплекса см. в статье М.В. Горелика о раннем монгольском костюме в данном выпуске, табл. 18, 3), то и для тульи шапки воина из погр. 1 кург. 1 Коллекторского могильника предлагается тот же материал, только вместо отсутствующих железных пластинок околыша представлена меховая оторочка. В качестве оружия ближнего боя воину служила сабля с очень длинным, узким, чуть изогнутым клинком и длинной рукоятью, соосной клинку. Перекрестье ее либо отсутствовало, либо, скорее всего, представляло собой плоскую железную пластинку, чуть выступающую за пределы ручки и почти неразличимую из-за окисления железа. Эти признаки сабли – вполне центральноазиатские. Зато наверхие в виде низкой сплюсненной чашечки с длинным язычком встречается только на северокавказских саблях XIII–XIV вв. Сабля, маленький ножик и сумка с прибором для добывания огня висят на клинковом поясе, застегнутом на рамчатую железную пряжку с железными же обоймицами. Застежкой стрелкового, садачного пояса служит, как положено, концевая накладка с крючком. Сама накладка необычная – она очень длинная, не исключено, что – составная. Наряден и сложен металлический убор колчана-пенала. Сам он подвешен на скобах из железного прутка. Гнутая железная полоса обрамляет сверху приемник, повторяя форму его верха. Крышку приемника украшает тамгообразная накладка из согнутого железного прутка с отростком на изгибе. Фигурные железные накладки украшают центральную часть колчана, широкая железная лента обрамляет его низ. Узкий бронзовый сегмент – все, что осталось от бронзового диска, украшавшего нижнюю половину колчана. Подобное украшение мы можем теперь, после отмеченных выше находок, считать типичным для золотоордынских колчанов восточного Приазовья–Прикубанья. Типично золотоордынский колчан содержит набор стрел с небольшими легкими наконечниками, типичными скорее для воинов-адыгов, чем для монгольских стрелков.

Защитное вооружение представлено прежде всего кольчугой со сравнительно длинным подолом и рукавами немного ниже локтя. Шейный разрез кольчуги стягивался шнурком, может быть, с шариками из дерева на концах, не дошедшими до нас. Кольчуга показана надетой поверх стеганого подкольчужника. Представляется, что другим видом защитного вооружения воина из рассматриваемого погребения были нечасто встречающиеся створчатые наручи «базубанд», появившиеся в Восточной Европе с монголами. Именно нижней частью наруча можно считать обломки широкой железной трубки с характерно отогнутым наружу краем. Итак, в погребении 1 кургана 1 Коллекторского могильника был похоронен заслуженный (признаком чего является узорная чаша из серебра, какими награждали отличившихся монгольские власти) воин, судя по обряду и большинству предметов – монгол, похороненный в первой трети XIV в. Поэтому он изображен в парадном монгольском кафтане с запахом слева направо, с отрезным сборчатым подолом, сшитом из шелковой парчи уйгурской, восточнотуркестанской работы. Также типично монгольскими показаны сапоги – с боковыми швами.

Коллекторский могильник подарил нам еще одно погребение золотоордынского латника (рис. 7) – в погр. 14 кург. 2. Комплекс его наступательного вооружения полностью совпадает с таковым из погр. 1 кург. 1 того же могильника. Та же чуть изогнутая сабля – почти палаш, что характерно для раннего золотоордынского оружия монгольского происхождения. Оттянутые вниз концы резко асимметричного перекрестия также характерны для длинноклинкового оружия этого культурного круга, и позднее станут самым популярным типом перекрестий сабель Северного Предкавказья. Откованный и заточенный на два лезвия конец характерен уже не для Центральной Азии X–XV вв., а для опять-таки Северного Предкавказья XIV–XVI вв., так что данный клинок можно считать одним из первых в генезисе «черкесского клинка» с его характерным штыковидным концом. Тот же колчан-пенал, украшенный железными бляшками. Только в наборе стрел присутствует стрела с типично монгольским, очень крупным наконечником кунжутolistной формы. К сожалению, не дошли детали металлического набора поясов-портупей, но можно не сомневаться, что на клинковом поясе висел ножик, от которого дошел клинок с обломанным концом в остатках ножен из дерева, обтянутого кожей, и несохранившийся подвесной кошель.

Защитное вооружение представлено кольчугой и шлемом. Шлем цилиндрико-конической со скругленной гранью формы имеет выкованный из края околыша небольшой объемный козырек, и – несомненно – утраченное навершие в виде тонкого шпиля с петлей и колечком наверху для привязывания ленты. Этот шлем с такими типично монгольскими признаками имеет довольно длинный ряд аналогий, и его дата не отличается от даты аналогий – сер. XIII – нач. XIV в. Характерным признаком данного шлема является отсутствие кольчужной бармицы, поэтому на реконструкции предложена, основанная на изобразительных источниках, трехчастная бармица из войлока и кожи, украшенная аппликациями. Судя по деталям обряда и характеру вооружения, в данном погребении был похоронен знатный монгольский воин, награжденный за заслуги серебряной чашей, найденной тут же. Жил он, скорее всего, во 2-й пол. XIII в.

Итак, на основании представительных и богатых погребений Восточного Приазовья мы реконструировали внешний облик представителей военной элиты Золотой Орды – трех монгольских латников второй половины XIII–XIV в. и трех половецких воинов-латников середины XIII – начала XIV в. Картина, представшая перед нами, прямо говорит о том, что даже в таком локальном районе мы видим не только то, что здесь с середины XIII в. проживали чересполосно монголы (причем достаточно состоятельные и, вероятно, знатные) и половцы, также состоятельные и знатные. Такая же картина с половцами наблюдается и по другим регионам. Более того, богатейшие курганы высшей половецкой знати (Чингул, Таганча) также датируются серединой XIII в. Серединой XIII – началом XIV в. датируется целая серия погребений половецких латников в Прикубанье (Горелик М.В., 2008). Причем важнейшим признаком их

этничности являются впервые найденные именно на северокавказских половецких и именно золотоордынцах «боевые бюстгальтеры» – символы знатности и мужественности половецких воинов.

Создается впечатление, что на определенных территориях запада Улуса Джучи, после бурных событий второй трети XIII в., когда половцы ожесточенно боролись с монгольскими пришельцами за свои лучшие в Евразии пастбища, проиграли и были частично вытеснены на запад, частично уничтожены, значительная часть половецких вместе со своей элитой подчинилась Чингиздам и служила им в качестве конницы. Более того, половцы даже переживали определенный «ренессанс». И это видно не только из материалов погребений. На западной стене церкви грузинского села Гвилети в верховьях Терека написана в XIV в. фреска, изображающая святого воина на коне (Круглов А.П., 1937, с. 248, рис. 4) (рис. 8). На нем шлем с бармицей, колчан-«пенал» зеленого цвета, довольно большой круглый щит за спиной, сапоги с высокими узкими голенищами с выступом, прикрывающим колено. Шлем имеет яркие золотоордынские признаки – цилиндрико-коническую форму, навершие в виде длинного тонкого шпиля или трубки, низкий прямоугольный вырез над лбом и – главное – отделка края околыша мелкими зубчиками. Наряду с этим золотоордынским шлемом XIV в. на всаднике (святом воине!) надет классический половецкий «боевой бюстгальтер», прекрасно известный по сотням половецких каменных изваяний, а теперь и по археологическим материалам. Фреска из Гвилети прямо говорит о высоком статусе половецких воинов на Кавказе в XIV в.

Все это ставит новую задачу для историков – выяснить социальное положение половецкой воинской элиты в Улусе Джучи, далеко не уничтоженной, как полагает большинство исследователей.

Литература

Горелик М.В. Монгольский женский костюм X–XIV вв. // Город и степь в контактной евроазиатской зоне. III Международная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. Тезисы докладов. М., 2006.

Горелик М.В. Золотоордынские латники Прикубанья // МИАСК. Вып. 9. Армавир, 2008.

Горелик М.В. А. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 15. Нальчик, 2008.

Горелик М.В. Введение в раннюю историю монгольского костюма.

Горелик М.В., Яворская Л.В. Погребение золотоордынского лучника у хут. Тормосин Волгоградской обл. (в печати).

Круглов А.П. Археологические работы на реке Терек // СА. № 3. М.; Л., 1937.

Лантратова О.Б., Голиков В.П., Орфинская О.В., Владимирова О.Ф., Егоров В.Л. Исследование уникальных археологических памятников из собрания Государственного исторического музея – комплексов одежд XIII–XIV вв. М., 2002.

Парусимов И.Н. Воинские позднекочевнические погребения с левобережья и дельты Дона // Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. Средневековые древности Дона. М.; Иерусалим, 2007.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. Е 4–2. М., 1974.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Чхаидзе В.Н. Средневековое кочевническое погребение из Нижнего Прикубанья // МИАК. Вып. 6. Краснодар, 2006.

Чхаидзе В.Н., Друзжинина И.А. Погребение кочевника XIII – первой пол. XIV в. у села Лосево в Степном Прикубанье // Степи Европы в эпоху Средневековья. Том 8. Донецк, 2010.

Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В. Кочевнические погребения среднего Приорелья // Днепропетровск, 1980.

Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В. Позднекочевнические погребения Приорелья // Степное Поднепровье в

Рис. 8. Святой воин, фреска XIV в. в церкви с. Гвилети, сев.-вост. Грузия (по А.П. Круглову)

бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск, 1981.

Шалобудов В.Н., Мухомад С.В., Андросов В.А. Раскопки курганов у с. Дмухайловка // Древности Степного Поднепровья III–II тыс. до н. э. Днепропетровск, 1983.

Empires beyond the Great Wall. The Heritage of Genghis Khan, by A.T. Kessler. Los Angeles, 1994.

M.V. Gorelik

Armoured equestrians of the Golden Horde in the east of the Azov Sea Region (based on the materials published by V.N. Chkhaidze and I.A. Druzhinina)

The author analyzes the materials of the burial grounds published by V.N. Chkhaidze and I.A. Druzhinina in their 'Heavily armed warriors of the Golden Horde in the east of the Azov Sea region' (see this issue), and comments on the graphic reconstructions made by them on the basis of these materials. The author concludes that the noble cuman warriors were contemporaries of

the Mongol warriors, and the rich armament as well as the distinctive indications of the high status of the cuman warriors within the cuman society, in the absence of Mongolian indicators of status such as a belt with imperial Mongolian ornament with metal inserts and a silver bowl, speak of a specific standing of the cuman military elite in the Golden Horde.

Божество с соколами в виде тяжеловооруженного
киданьского конника («железного ястреба»)

Киданьская вышивка по шелку